

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

НАДГРОБИЕ
ДЛЯ КАРАТЕЛЯ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Надгробие для карателя

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Надгробие для карателя / С. В. Самаров — «Автор»,
2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-091601-6

В горах Дагестана действует банда безжалостного эмира Рамиза Гадисова. Получив серьезный боевой опыт в Сирии и Ираке, моджахеды вернулись на родину, чтобы здесь продолжить войну с неверными. Боевики нападают на военную колонну федералов и захватывают несколько ПЗРК, которыми в дальнейшем собираются сбивать гражданские самолеты. На поиски банды выдвигается взвод спецназа ГРУ Павла Захарова. Совершив тяжелый марш-бросок в горах, бойцы настигают отряд эмира. Кажется, остальное – дело техники... Но в последний момент коварный главарь придумывает хитроумный маневр, которым ставит в тупик даже бывалых спецназовцев.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091601-6

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Васильевич Самаров

Надгробие для карателя

Роман

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

Сразу после серпантина на подъеме дорога словно прорывалась через красно-бурые скалы на узком перевале и круто бросалась вниз. Впрочем, ненадолго, через сорок метров следовал поворот под углом в девяносто градусов, и начинался ровный, хотя и такой же короткий, участок дороги, и потому сразу после перевала разогнаться под уклон было невозможно.

На повороте стояли такие же красно-бурые скалы. Только если на самом перевале они были высотой больше двухсот метров и имели солидное основание, то на повороте скалы были ниже и едва держались за почву – солидного собственного веса не имели, чтобы почву продавить и прочнее в ней закрепиться. При этом были готовы в недалеком будущем свалиться в пропасть даже при легком толчке.

Пропасть начиналась сразу за поворотом, была глубиной метров тридцать и никому не обещала мягкого приземления при падении. Так, не вписавшись в поворот, несколько лет назад в пропасть упал грузовик с людьми в кузове. Тот грузовик своротил с места две неустойчивые скалы на краю дороги и перевалился через другие, более широкие, и потому крепкие, которые просто расшатал.

Упал и загорелся. После падения с такой высоты люди выбраться из кузова, естественно, не смогли, если вообще не вывалились из кузова до момента приземления. Сейчас даже их останков видно не было. Может, следственные органы или родственники вывезли, может, время людей похоронило, поскольку доступа к месту не было, и добираться до них своими силами даже родственникам было сложно. Туда можно было только по скалам спуститься, используя альпинистское снаряжение и имея подготовку скалолаза.

...Небольшая автоколонна, натужно ревя сильными двигателями, миновав серпантин, взобралась на перевал. Колонна состояла из двух тентованных грузовиков и бронетранспортера сопровождения. На «броню» БМП ехало отделение бойцов спецназа «Росгвардии» во главе со старшим прапорщиком. В первом грузовике рядом с водителем сидел старший сержант «Росгвардии» в заливатски надетом краповом берете. Почти половина бойцов на бронетранспортере тоже носила такие береты. Во втором грузовике рядом с водителем ехал старший прапорщик, держа на коленях папку с накладными, – кладовщик со склада.

Выстрела гранатомета никто не слышал – ни водители машин, ни росгвардейцы на «броню» бронетранспортера. Почувствовали удар и увидели последовавший за ним взрыв в лобовой части БТРа. Взрывом сразу убило двух гвардейцев, что сидели перед башней, в том числе и старшего прапорщика.

Второй взрыв был похож на первый. На этот раз он случился в самой башне, но росгвардейцы не пострадали, поскольку на этой стороне БТРа никого не было.

Бронетранспортер замер на месте, видимо, первый взрыв поразил механика-водителя. Двигатель заглох. Еще не разобравшись в ситуации, бойцы «Росгвардии» начали спрыгивать на дорогу. И в это время, поторапливая их и тут же свалив несколько человек, заговорили автоматы и два ручных пулемета, отличающиеся длиной очередей и своеобразным звуком выстрелов (хотя калибр у ручного пулемета и автомата один и тот же, и даже имеется возможность использовать в пулемете автоматные магазины, у пулемета все же длиннее ствол, что существенно влияет на звук).

Кажется, только тогда росгвардейцы сообразили, что попали в засаду. Отстреливаться они начали сразу, еще не поняв, куда следует стрелять, потому что нападавшие из укрытий не высывались, а определить по звуку, откуда стреляют, было сложно.

Первые очереди раздались, когда солдаты прыгали с брони. Они бросались вниз и искали себе укрытие среди окружающих их скал. Среди таких скал найти укрытие было несложно.

Почти сразу и одновременно между двух скал с обеих сторон от бронетранспортера, куда пытались спрятаться по нескольку человек, раздались взрывы. Осколки разлетелись в разные стороны, рикошета от камней, и посекали не только бойцов-росгвардейцев, но даже сам бронетранспортер, не нанеся ему, впрочем, серьезного ущерба, но сильно оцарапав довольно еще свежую краску.

Тут же, словно отреагировав на взрывы противопехотных мин, а вовсе не на попадание в башню гранаты несколькими секундами раньше, в башне сдетонировал боекомплект. Возможно, после попадания в башню гранаты там начался пожар и боекомплект среагировал на него. Но точно определить никто не смог, да никто и не собирался этого делать. Бойцам было совсем не до того...

Трое росгвардейцев, что пытались спрятаться за БТРом и вести огонь оттуда, выскочили после взрыва на открытое место прямо под автоматные очереди. Еще несколько очередей остановили передовую машину, которая попыталась было прорваться. В водителя одновременно угодило сразу несколько пуль, пробив голову, грудь и горло. Машина ткнулась в красно-бурые камни, отгораживающие дорогу от пропасти, заглохла и остановилась, перекрыв проезд второй машине.

Та остановилась, не имея возможности маневра.

В первом грузовике водитель уронил прострелянную голову на руки, сжимающие руль. Сидящий рядом с ним старший сержант успел выскочить из кабины, присесть на одно колено и из этого положения, прикрываясь высоким колесом грузовика, дать из-под машины подряд четыре очереди. Он один, видимо, знал, куда стреляет, потому что очереди его были короткими и прицельными. Потом старший сержант сначала упал на оба колена, потом закатился под машину, и непонятно было, пули его туда загнали или он сам туда нырнул. Одна нога старшего сержанта, неестественно вывернутая носком внутрь, торчала из-под колеса. Но сам он больше не стрелял, хотя автомат из рук не выпустил.

Все убитые обычно цепко держатся за оружие. Как держались за него до момента, когда их настигла смерть. А смерть, когда хватает жертву в свои липкие лапы, обязательно сводит мышцы жестокой судорогой.

Бандиты покинули свои укрытия среди скал только тогда, когда стрельба полностью стихла. Их было одиннадцать человек, в большинстве своем немолодые, длинноростовые. Возможно, это длинные бороды делали их лица старше, чем они были в реальности.

Шли спокойно и без суеты. Однако, даже перебив солдат, они еще по инерции держались настороженно. Посматривали на тех, в кого стреляли и кого взрывали. На ходу добились двух росгвардейцев, раненных осколками мин, что взорвались между камнями по бокам от БТРа. Помощь им оказывать все равно было некому, да и не привыкли моджахеды помощь кому-то оказывать. Пристрелить раненого – это и соблюдение собственной безопасности, и одновременно акт милосердия. Не заставлять же человека умирать здесь, на горной дороге, без помощи. А помощь оказать некому, да и некогда.

Между тем еще оставалась вторая машина, пока не тронутая пулями. И в ней сидели водитель и старший прапорщик внутренних войск, еще не аттестованный в «Росгвардию». Двигатель машины был выключен.

Солдат-водитель испуганными глазами смотрел на приближающихся бандитов. Автомат лежал у него на коленях, правая рука на рукоятке, а указательный палец на спусковом крючке. Дверца кабины была по-прежнему закрыта. Старший прапорщик рядом с водителем смотрел мутными глазами перед собой, словно все происходящее его совершенно не касалось. Веки старшего прапорщика часто и испуганно дрожали. У него тоже был автомат, но он зажал его между колен и даже с предохранителя снять не успел. И пистолет из кобуры не вытащил, хотя на ближней дистанции пистолет, как оружие, может оказаться эффективнее автомата.

Бандиты остановились перед машиной. Поговорили о чем-то на своем языке, которого водитель не знал. Потом один из них, не опасаясь, подошел к кабине, открыл дверцу, но посмотрел не на водителя с автоматом, а на старшего прапорщика, который повернул в его сторону бледное лицо.

– А с этим мальчишкой что делать? – спросил бандит.

– Убейте его. Он предаст меня...

– Сдаст или предаст? Это разные вещи... – усмехнулся бандит. – Предал пока только ты. И его, и всех остальных. И нас предашь при случае. Но тебе было хорошо заплачено за предательство. Ты не в обиде?

– Нет-нет, спасибо... – торопливо ответил старший прапорщик, словно его обвинили в неблагодарности.

– А деньги где держишь?

– Домой отослал. Жене на карту перевел...

– Врешь, – хохотнул бандит. – Они у тебя под матрасом лежат. Такие деньги ни один банкомат не примет. Они на принтере напечатаны...

Старший прапорщик растерялся. На самом деле он только еще собирался перевести деньги, но пока не перевел. А сказал, так потому что боялся, что деньги отнимут.

– Ну, так убей своего водителя, – приказал бандит, чисто произнося русские слова. Видно было, что он – человек образованный. – Иначе он тебя и в самом деле сдаст. Хотя мне на это плевать. Ты – отработанный материал. И больше нам не нужен.

– А думаешь ты так напрасно. Я еще сгожусь, – сказал старший прапорщик и для чего-то вынул накладные и помахал ими перед лицом. Потом тут же попытался поднять свой автомат, чтобы разобраться с водителем, которому смотрел в затылок, но ствол автомата водителя в это же время смотрел в грудь бандиту.

Водитель, мальчишка девятнадцати лет, хотя, конечно, был очень испуган и очень хотел жить, все же дал короткую очередь прямо в бороду бандиту. Старший прапорщик схватил солдата за локоть, отводя автоматный ствол в сторону. Но дело было уже сделано.

Бандиты тут же изрешетили автоматными очередями и кабину, и водителя, а заодно и старшего прапорщика, как отработанный материал, о котором только что говорил убитый бандит. Возиться с отработанным материалом никому не хотелось.

Трое бандитов поспешили к тому, что лежал на дороге рядом с кабиной, отброшенный очередью на спину, но он был уже мертв. Важно ступая, подошел к убитому эмир – Рамиз Омаханович Гадисов.

– Магутдин слишком сильно верил в свое бессмертие здесь, на земле, и потому ничего не боялся, – сказал он, считая, что может читать нравоучения не только по своему положению, но и по возрасту – у него в бороде было больше седых волос, чем у других. – У нас сегодня тяжелый день. Мы потеряли троих. Так нельзя! Себя следует беречь. Ваша жизнь не вам лично принадлежит, она принадлежит общему делу! Это касается всех без исключения. Жизнью можно жертвовать, когда спасаешь братьев, но не ради пустой бравады, не ради игры в риск! Иначе это превращается в бахвальство.

В этой засаде действительно были убиты три моджахеда. Двоих успел подстрелить старший сержант из-под машины, пока в него самого не попала пуля. Стрелял в старшего сержанта сам эмир, он посчитал лишним лезть под машину и проверять, убит старший сержант или только ранен. Лишним посчитали это и моджахеды, старающиеся во всем повторять действия Гадисова.

А сержант лежал, зажимая рукой рану на горле, и слушал разговор, который велся почему-то на русском языке, стараясь не пропустить ни слова. На русском бандиты общаются часто, потому что обычно они представляют разные народы Дагестана, говорящие на различных языках. И русский язык в этом случае вполне подходит для общения. Правда, часто бан-

диты, попав в плен, вдруг забывают его и предпочитают общаться со следователями через переводчика. Но здесь, в горах, им переводчик не требовался.

– Да, эмир. Ничего не бояться – это, я думаю, хорошо. А вот забывать об осторожности не надо никогда, – вторил Рамизу Омахановичу самый молодой из бандитов, у которого борода была жидкой и сильно кучерявилась. Сказал, и тут же дал очередь по лежащему в стороне солдату. – Он рукой пошевелил. Наверное, в неудобной позе лежал. И слушал, что мы говорим. Я вообще не люблю тех, кто подслушивает и в замочную скважину подсматривает. А потом «стучит» в полицию. Этот обязательно бы на нас «настучал». А мне не нужно, чтобы меня видели среди твоих людей.

– Да, Батал, еще моя бабушка, покойная, хорошо говорила, что лучше выстрелить, перезарядить ружье, выстрелить еще раз, чем светить фонариком в темноту и спрашивать: «Кто там?» Здесь была почти такая же ситуация. Все! Дорога в нашу сторону перекрыта. Грузовик снизу вверх БТР не протолкнет. Выехать отсюда мы не сможем. Придется опять на себе груз тащить. Разгружайте вторую машину. Я посмотрю, что в первой, – распорядился эмир и двинулся к кузову первой машины, чтобы заглянуть под брезент. – Ты, Батал, главное, свой лук не потеряй. И гранаты к нему...

Батал Габибов работал мастером отдела главного механика на ремонтно-механическом заводе, который когда-то принадлежал районному отделению «Сельхозтехники», а сейчас стал частной собственностью бывшего заместителя главы района. Сам по себе умелец и изобретатель, получивший высшее образование, Батал имел возможность давать личные заказы своим рабочим под видом производственных.

Так, он умудрился воплотить собственное изобретение – гранату, которая пробивала броню бронетранспортера и бронированных автомобилей, хотя была бессильна против танка. И никакая активная динамическая защита не могла противостоять такой гранате потому, что та не имела сопла, излучающего тепло.

Но самое интересное было в том, что для использования этой гранаты не требовалось применять гранатомет. Граната крепилась вместо наконечника на стрелу лука. Конечно, полет такой стрелы был совсем иным, чем обычной стрелы – почти в четыре раза короче. Но Батал специально тренировался с незаряженными гранатами, заменяя вес взрывчатого вещества простым песком. Вес на вес. В результате оба нападения на автоколонны, что провел джамаат Гадисова, не обошлись без спортивного лука Батала. И гранаты ложились точно в цель.

Но Батал Габибов не имел пока возможности жить в горах вместе с другими моджахедами – дома лежала парализованная мать. Он продолжал жить в поселке, не раскрывая себя, и добывал сведения, необходимые эмиру Рамизу Омахановичу. Со временем он собирался присоединиться к джамаату...

* * *

Все, что нашлось в грузовиках, забирать необходимости не было. И даже уничтожить это не стоило, потому что уничтожение сравнительно небольшого количества непригодных для джамаата боеприпасов и взрывчатых веществ в размерах государства было незначительным штрихом, малозаметным для противников его джамаата и других джамаатов, что живут сейчас в горах, – так рассуждал эмир Рамиз Омаханович Гадисов. – А взрыв на дороге наверняка уничтожит саму дорогу. И когда еще ее смогут восстановить...

Дорога эта была время от времени необходима самому джамаату, поскольку только по ней могли перевозить в этот горный район республики то, что было необходимо не только жителям района, но и самому Гадисову и его людям. А он имел при этом возможность иногда узнавать о прохождении по дороге транспорта и пополнял свои запасы. И планировал делать то же самое и дальше.

Так, в прошлый свой рейд, он сумел запастись продовольствием на целый год вперед, хотя те два грузовика сопровождалась тогда двумя машинами с вооруженной автоматиками полицией. Машины с полицией он расстрелял с удовольствием. Расстрелял, а потом поджег. «Уазики», естественно, взорвались, безжалостно разбросав по округе трупы полицейских.

Тогда дорога только слегка пострадала. Взрывы были небольшой силы. Сейчас, когда в грузовиках остались боеприпасы в количестве, которое моджахеды не могли взвалить на свои плечи, эмир не решался поджечь машины. Не захотел усложнять себе жизнь. Что еще по дороге повезут, может попасть к нему в руки, не стоит рубить сук, на котором сидишь.

Пока шла разгрузка, эмир внимательно изучил накладные и понял, что хотел сказать старший прапорщик, когда размахивал ими. Джамаату необходим был запас патронов. Большой запас, чтобы не пришлось экономить в серьезных операциях. Патроны в районный отдел полиции должны были везти в этой автоколонне. Но их не было ни в первом, ни во втором грузовике. Запоздала централизованная циркулярная поставка. То есть груз не был доставлен на склады республиканского МВД, которое из-за этого не имело возможности снабдить патронами районные отделы.

Не значились патроны и в накладных документах старшего прапорщика. Что его застрелили, было не жалко. Придет на его место другой кладовщик, с которым можно будет провести соответствующую работу, чтобы он стал информатором за сравнительно небольшую сумму в фальшивых долларах. А этот уже знал со слов Магутдина Лачинова, что доллары фальшивые, и потому работать с ним было уже невозможно.

Магутдин, конечно, поторопился сказать это. Но он говорил, зная, что кладовщика в живых все равно не оставят. И не мог при этом знать, что в этой автоколонне патроны не повезут. А нужда в патронах была серьезная. Еще не критическая, тем не менее заставляющая всерьез задуматься.

Если при нападении на первую автоколонну эмир Гадисов приказывал экономить патроны, то в этот раз дал приказ патроны не жалеть. Поторопился.

В какой-то степени пополнить запас можно было за счет убитых солдат. У них точно такие же автоматы, как у моджахедов. Только один эмир во всем джамаате один стреляет из старого, уже снятого с вооружения «АК-47», а у других – автоматы «АК-74»¹. Добыть патроны для своего автомата эмир, честно говоря, и не рассчитывал. Но ему самому приходилось стрелять редко. А вот моджахедам патроны очень даже нужны. А в недалеком будущем, как планировал Рамиз Омаханович, они понадобятся еще больше. Но это недалекое будущее отодвигалось, скорее всего, на следующее лето, может быть, на конец весны, когда можно будет спокойно жить где-нибудь в лесу в центральной части России и доказывать русским, что напрасно они влезли в Сирию.

С такими планами и отправили оттуда, из Сирии, джамаат Гадисова домой. И он сумеет воплотить в жизнь эти планы...

* * *

Перед отправкой моего взвода в командировку на Северный Кавказ я слышал, как разговаривали три солдата. Они радовались этой командировке потому, что там, на Кавказе, занятия будут проводиться редко, только при подготовке к отдельной операции, а спать там будут разрешать в два раза больше, чем в батальоне (в сводном отряде спецназа ГРУ на Северном Кавказе солдаты спят по восемь часов – отдыхают, как это называется официально, потому что день и ночь в командировке не различают).

– Почти как на «гражданке»!

¹ «АК-47» имеет калибр 7,62 мм, а «АК-74» – калибр 5,45 мм.

Это, по разговорам, знали все в батальоне, хотя я мог бы возразить, что временами спать вообще удается только в вертолете при перелете с одной операции на другую. Когда вибрируют металлические стены вертолета и дико тарахтит над головой двигатель. То есть выспаться бывает крайне трудно, особенно с непривычки, в первое время. Потом, уже на истощении, уснуть порой удается даже в кузове грузовика.

Занятия, что ведутся с бойцами в батальоне, идут им только на пользу и повышают боевую подготовку. Однако, чтобы от этого избавиться, бойцы взвода готовы были бегом бежать в «горячую точку». Рисковать жизнью в постоянных боях им казалось более приятным делом, чем бегать, ползать, лазить, стрелять, выставлять мины и снимать чужие и выполнять еще целую кучу специальных упражнений, многие из которых нравились далеко не всем. Что подлаешь, где-то далеко, как кажется, всегда живется лучше – так уж человек устроен.

Тем не менее, имея опыт двух предыдущих командировок, в которых из состава взвода принимали участие только отдельные солдаты-контрактники и сержантский состав, в перелете до Каспийска, где расположен аэропорт Уйташ имени дважды Героя Советского Союза Ахмет-Хана Султана, хотя официально он и называется аэропортом Махачкалы, я приказал солдатам отсыпаться, поскольку никто не знал, когда нам удастся отдохнуть в следующий раз. Обстановка на Северном Кавказе непредсказуемая. Одна за другой возвращаются с Ближнего Востока местные банды, где их даже сирийцы и иракцы бьют преимущественно старым советским оружием и лишь изредка современным российским.

На что бандиты надеются, возвращаясь в Россию? Или просто возвращаются, чтобы сдохнуть дома и быть похороненными в общей могиле без указания, кто там лежит, – как закон и предлагает хоронить террористов.

– С корабля на бал? – спросил кто-то из солдат после моего приказа в самолете.

– Всякое бывает... На всякий случай лучше быть бодрым.

В Уйташе нас встречали, как обычно, грузовики, которые проехали по окраине Махачкалы и доставили нас в военный городок, где и базировался сводный отряд спецназа ГРУ в регионе Северного Кавказа.

Нас встретил дежурный офицер, показал казарму, где нам предстояло жить полгода. Я произвел распределение по кубрикам, хотя особого распределения и не требовалось – каждый кубрик отводился одному из отделений, вне зависимости от того, какой у отделения численный состав, а он у всех отделений разный.

Дежурный офицер остался присмотреть, как взвод расположится, забрал у меня производственные аттестаты и прочие взводные командировочные документы, которые он, по приказу начальника штаба, должен был оформить, как обычно бывает, в соответствующих отделах, а меня отправил на доклад к начальнику штаба майору Аспарухову.

Евгений Павлович Аспарухов, насколько я знал, уже в третий раз приехал в отряд командировку. В первый раз он здесь командовал разведротой, во второй раз был уже начальником штаба, и тогда наши пути пересеклись – я тоже приехал сюда со взводом, и вот теперь майор приехал в третий раз, как и я.

Я по-прежнему команду взводом, хотя за время, что мы не виделись, я из лейтенанта перешел в старшие лейтенанты, а Аспарухов остался начальником штаба сводного отряда. Он свою майорскую звездочку получил накануне второй командировки и стать подполковником должен еще не скоро.

Командиру отряда, с которым я еще не знаком, начальник штаба представит меня лично, но так уж повелось в сводном отряде, что мелкие подразделения типа отдельного взвода курирует всегда начальник штаба, а деятельностью двух разведывательных рот, что входят в отряд, руководит сам командир.

Где расположен кабинет начальника штаба, я помнил хорошо и потому сразу прошел туда, постучал в дверь и, после приглашения, шагнул за порог.

– Товарищ майор, старший лейтенант Захаров со взводом прибыл в ваше распоряжение. Взвод устраивается в казарме...

Небольшого роста, крепко сбитый, хотя я не рискнул бы назвать его широкоплечим, улыбчивый майор Аспарухов встал из-за стола, крепко, но не до боли пожал мне руку и жестом пригласил присесть, сразу отмахнувшись от уставного доклада, как обычно и бывает в подразделениях спецназа ГРУ, где в большинстве случаев не любят уставной официоз.

– Добрались без происшествий?

– Так точно, товарищ майор. Все в порядке.

– Настроение боевое?

– Так точно.

– Я как увидел приказ по ротации отряда, обрадовался, когда твою фамилию встретил. Включайся в работу. Сейчас зайди на узел связи, тебе КРУС «Стрелец»² на отрядную волну настроит, а оттуда сразу в оперативный отдел за заданием. Отдыхать будешь, когда к себе в батальон вернешься. Если солдаты в казарме устроились, а дежурный оформил документы, отсылай их сразу на склады получать «сухой паек», боекомплект, и еще я приказал выделить твоему взводу два автоматических гранатомета Барышева с четырьмя комплектами гранат. Кто пользовался, говорят, штука удобная. Я сам не пользовался, сказать ничего не могу. Там, на складах, трактор с тележкой выделяют, чтобы до казармы все необходимое доставить. Сейчас за складом трактор с трактористом на постоянной основе закреплены. Ты только солдат отправь, чтобы тележку загрузить. И сержанта, чтобы получил, что полагается. Где склады искать, тебе рассказывать не надо. Они никуда не переезжали. Удачи, старлей!

* * *

Первое задание было простым и не требовало дополнительной подготовки и получения разведданных. Уже вторые сутки на границе с Грузией какая-то банда пытается прорваться через границу, но граница пограничниками перекрыта. Было пресечено три попытки прорыва, и все три раза банда пыталась прорваться в одно и то же ущелье.

С грузинскими пограничниками связь поддерживалась. Они сообщили, что банда не ушла и в данный момент ищет слабые места в системе заслонов. Сами грузинские пограничники атаковать банду не решаются. Сил у них немного, а переход осуществляется в Панкисском ущелье, где компактно проживают кистинцы³, не очень жалующие пограничников. Пограничникам рекомендовано к кистинцам не соваться во избежание межнациональных и межрелигиозных инцидентов, поскольку народ это горячий и непредсказуемый. Конфликт с ними может вылиться в большую неприятность...

Но долго держать заслон на одном участке границы – значит оголить другие участки, которые тоже требуют внимания.

По согласованию с пограничниками отрядом спецназа ГРУ была разработана операция по ослаблению одного из возможных проходов в ущелье, кстати, самого сложного по профилю, чтобы дать бандитам прорваться. Ущелье, в которое их пропустят, будет перекрыто спецназом ГРУ. А когда бандиты вступят в бой со спецназом, пограничники, сконцентрировав ударный кулак, смогут ударить банде в спину и уничтожить ее. Операция была довольно простой в исполнении, и все опасения сводилось к одному – не уничтожить друг друга двум отрядам федеральных сил.

² КРУС «Стрелец» – комплекс разведки, управления и связи «Стрелец», важная технологическая составляющая часть экипировки «Ратник».

³ Кистинцы – этнические чеченцы, исторически проживающие в Грузии, носящие грузинские фамилии, но разговаривающие на вайнахском языке своих предков и исповедующие ислам суннитского толка.

Кроме того, для уничтожения банды планировалось задействовать боевые вертолеты отряда спецназа ГРУ. Насколько я знал, раньше отряд располагал тремя «Ночными охотниками» Ми-28Н и двумя ракетноносцами Ми-8АМТШ, оснащенными полным комплектом вооружения от «летающего танка» Ми-24. Правда, потом говорили, что один из Ми-8 должны сменить на Ка-52 «Аллигатор». Не добавить «Аллигатор», а именно сменить, поскольку заасфальтированный плац военного городка, переоборудованный под вертолетодром, не позволял держать здесь одновременно больше пяти вертолетов. Посторонние аппараты могли совершить посадку, но тут же улетали, а вот стоянки для шестого вертолета не было. Просто места для него не хватало. Но сменили боевую машину или нет, я точно информирован не был, да и, по большому счету, нам было бы достаточно поддержки одного вертолета. Любого, какой выделит. И потому мой вопрос в оперативном отделе отряда получил такой ответ:

– Что будет свободно к тому моменту, то и пошлем... Вертолеты у нас никогда не простаивают... – Ответ был одновременно и ничего не значащим, и исчерпывающим.

Радовало то, что само предполагаемое место боя не было высокогорным, то есть дышать там можно было спокойно без кислородных приборов. А это автоматически значило, что любой боевой вертолет на такой высоте работать сможет, сцепление винтов с воздухом проблем не вызовет, как случается порой в высокогорье.

Из оперативного отдела, перекачав в свой планшетник все необходимые для операции карты, я отправился в казарму, где сразу объявлять взводу боевую тревогу не стал. Но без задержки отправил своего опытного замкомвзвода старшего сержанта Мишу Игумнова с тремя солдатами на склады для получения всего, что полагается для вылета на боевую операцию.

Расчет был произведен, как обычно, в оперативном отделе с запасом на крайний случай. Обычно запас составлял дневную норму высокогорного питания, хотя застревать в каких-то случаях приходилось и на три дня, и на неделю. Тогда доставка питания и пополнение боекомплекта производились с помощью вертолета. И это было, конечно, правильным решением, потому что суточный сухой паек не только немало весит, он еще и объемен. И таскать на своих плечах по горам лишнюю тяжесть бойцам не хочется. Мне, честно говоря, тоже. Да и зачем, если могут доставить!

Взвод без моей команды или команды старшего сержанта Игумнова спать не укладывался. И без того, как я справедливо считал, бойцы выспались в грузопассажирском военнотранспортном самолете за два с лишним часа полета. Дополнительный отдых, я знал это по себе, только расслабляет и делает мышцы вялыми, а суставы лишает гибкости.

И потому я объявил боевую тревогу только тогда, когда услышал, как на территории, приближаясь, тархтит трактор, тащит все необходимое для предстоящей операции. Как обычно, в отсутствие замкомвзвода командные функции взял на себя командир первого отделения сержант Леша Луховской, которому я дал знак.

Он построил взвод. После чего сам провел предварительную проверку. Сначала приказал всем включиться в общевзводную систему связи и проверил ее наличие с каждым индивидуально. Потом прошелся перед строем в одну и в другую сторону, как это делаю обычно я, кого-то из солдат заставил попрыгать в полной экипировке, прислушиваясь, не гремит ли что в амуниции или в рюкзаке. У некоторых пальцем, не опасаясь обрезать, проверил остроту малых саперных лопаток. Только после этого доложил мне по уже подключенной системе связи:

– Товарищ старший лейтенант, взвод к выполнению боевой задачи готов.

– Выводи взвод на улицу. Там Игумнов везет сухой паек и боекомплект, – распорядился я, но сам сразу не вышел, оставив время взводу на «заправку».

Казарму я покинул только тогда, когда услышал звук двигателя грузовика, что был выделен нам в качестве транспортного средства. Грузовик был тентированным и встал так, что тент прикрывал строй от сильного бокового ветра. Подумалось, что, если ветер не стихнет, то даже всепогодный вертолет «Ночной охотник» может не прилететь нам в помощь – все будет зави-

сеть от настроения вертолетчиков. Но тогда придется самим проявлять активность по уничтожению противника. Пограничники нам в этом помогут. С их стороны обещали выставить сильный отряд, хотя точную его численность не сообщили.

Едва мы выехали с территории военного городка, как меня затребовал на связь начальник штаба сводного отряда майор Аспарухов.

– Старший лейтенант Захаров, слушаю вас, товарищ майор.

– Выехали, как мне сказали?

– Так точно. Только что. Еще ворота в зеркало видны.

– Как только займешь и оборудуешь позицию, отметь на карте и перебрось мне данные.

Я отправлю погранцам, чтобы они выступали. Расчет времени, как считаешь, проведен правильно?

– Правильно. Хотя есть возражения. Не учтено, что бандиты будут идти с осторожностью. Они будут опасаться, что мы заманиваем их в засаду. То есть прочитают наши планы. Обязаны прочитать.

– Но все равно ведь пойдут? – Начальник штаба спрашивал меня так, словно я был бандитский эмир.

– Я не думаю, что они откажутся от запланированного. Иначе зачем им тогда вообще в эту сторону через несколько границ двигаться. Но упорство в выборе направления меня слегка смущает... Есть опасения, что именно в это ущелье они рвутся неспроста, иначе могли бы в любую сторону сдвинуться и там подыскать место, где перейти границу. Таких мест – пруд пруди...

– Может, у них там, в этом самом ущелье, схрон? Так, кстати, и пограничники думают.

– Все может быть. Утверждать не буду. Не буду отрицать и упрямство эмира банды – здесь запланировал, здесь и пойду! Я с таким уже встречался. Обычная человеческая глупая уверенность во вседозволенности. Хозяевами жизни себя хотят считать. Такие, как правило, быстро голову теряют. Раньше их больше было, сейчас меньше – почти всех перебили, мало кого уморазуму научили. И здесь, и на Ближнем Востоке такие первыми гибнут. Но мое предположение – не факт. А может, кстати, и так статься, что в этом ущелье у них назначена встреча с другой бандой. Они подозревают наличие засады, тем не менее идут, потому что рассчитывают на удар засаде в спину со стороны другой банды, которая раньше границу перешла. Может быть, это даже встреча с частью своей же банды. Еще допускаю, что между бандами осуществляется связь. Скорее всего, телефонная. Рацию не используют. Не любят они с рациями работать. И координируют свои действия, синхронизируя направление удара. Возможно, вторая банда изначально двигалась туда, стремясь ударить в спину пограничникам, чтобы обеспечить прорыв. Такое тоже уже было...

– Было, – согласился майор Аспарухов, оценивая мое знакомство с кавказскими сводками.

– А потом они скоординируют свои действия и ударят по моему взводу с двух сторон.

– Да, это серьезный вопрос, – задумался начальник штаба. – Вот, кстати, и опробуешь автоматические гранатометы.

– Отзыв на него писать?

– Обойдемся. Он у нас не производится. Только конструктор – наш, российский. А сам гранатомет – белорусское оружие. Только стреляет нашими гранатами ВОГ-17, хотя, возможно, и их в Беларуси производят. Нет, отзыв не требуется. Разве что на гранаты. Но они давно известны – еще советские. Что касается телефонной связи между бандами... Я тебе с вертолетом пришлю «глушилку». Она автоматическая. Может дистанционно включаться. Выставляется с парашютом. Найдешь ее по куполу и переключишь на ручное управление. Там обозначено на английском – сбоку есть кнопка «мануал». Разберешься, короче... Но имей в виду, у тебя самого тогда связь внутри взвода нарушится. Ты просто пользуйся отдельными

моментами. Дал взводу команду, включил «глушилку». Нужно новую команду дать, выключил. Сориентируешься?

– Сориентируюсь, товарищ майор. Высылайте. Противник не будет знать, когда я включаю, когда выключаю. А постоянно держать трубку включенной они не могут. Им подзаряжать ее надо.

– Если возникнут сложности с поиском «глушилки», у тебя будет прямая связь с командиром вертолета. Мы ему выделим шлем и КРУС. Он тебе подскажет.

На выезде из поселка дорога была разбита основательно. Наверное, и наша бронетехника помогла в этом. Но ремонтировать дорогу, кажется, никто не собирался. Впрочем, это была характерная особенность российских дорог.

Грузовик сбросил скорость, а майор Аспарухов в это время завершил разговор:

– Не забудь мне на планшетник карту сбросить, обязательно с точными отметками. У меня все. Конец связи?

– Не забуду. Конец связи, товарищ майор.

* * *

Горной дорогой мы ехали без малого три часа. Потом оказались в неширокой долине, посреди которой тянулась гравийная дорога, хорошо когда-то укатанная и практически лишенная свежих следов. Так редко здесь показывался автомобильный транспорт.

Добрались до отсыпного съезда с дороги, отмеченного на карте, спустились к горному отрогу и поехали в обратную сторону, миновали два ущелья и въехали в третье.

Но здесь не было возможности далеко продвинуться. Вернее, возможность-то была, но водитель не хотел рвать резину на острых камнях, кроме того, карта, что была у него в навигаторе, показывала, что дальше будет негде развернуться.

– Тормози, – решил я. – Будем высаживаться. Дальше своим ходом.

Честно говоря, в моем решении не было жалости к автомобильной резине и неудобствам солдата-водителя. Сам я, помнится, однажды встречал товарища в аэропорту областного центра. Поставил машину на парковку и ушел в здание аэропорта. За время моего отсутствия приехало еще множество машин, и мою буквально заперли со всех сторон. Разворачивался я по паре миллиметров в одну и в другую сторону, но все же сумел протиснуться между чужими машинами и выехать, чтобы не ждать, когда мне освободят проезд.

Но там была обстановка менее ответственная и совсем не боевая. А во время боевой операции водителю-солдату потребовалось бы проявить больше старания и сообразительности. Я посчитал, что бойцам моего взвода, отдохавшим уже достаточно долго, следует взбодриться, чуть-чуть устать, чтобы войти в боевое настроение. И потому я предпочел пеший марш.

Старший сержант Игумнов командовал высадкой, завершена она была классически – солдаты не в строй встали, а сразу рассыпались веером вокруг грузовика, ощерившись автоматами в готовности принять бой сию же секунду.

Но противника пока не было. Я в бинокль с тепловизором осмотрел окрестности. «Свечения» биологически-активных объектов бинокль не обнаружил. Одновременно со мной все три снайпера взвода смотрели в свои оптические прицелы с тепловизионными предобъективными насадками Infratech ИТ 310 ТПН. Каждый из снайперов взял для контроля одну из сторон, оставив ближнюю, самую безопасную стену мне, поскольку бинокль имел менее сильную матрицу тепловизора, чем предобъективные насадки.

Винтовки снайперов были мощные, крупнокалиберные. Две из них относились к категории дальнобойных, третья – винтовка «Выхлоп» – имела только прицел, сравнимый с ними, но стрелять могла прицельно на дальность до восьмисот метров, имела тяжелую стальную пулю калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. Обладала и важным преимуществом – глу-

шителем. Для этой винтовки был создан специальный укороченный патрон, из которого пуля летела с дозвуковой скоростью, но, благодаря своей конфигурации и собственной тяжести, способна была пробивать любой бронежилет. На прицелы снайперов я всегда надеялся. Но в этот раз я для чего-то еще и снайперов проконтролировал. И только после этого позвал по связи старшего сержанта Игумнова:

– Миша! Три колоннами – вперед!

Игумнову повторять команду не нужно. Взвод тоже ее слышал и сразу, бегом выполнил построение в три колонны по отделениям.

Двигались мы вперед тремя самостоятельными маршрутами. Первое и третье отделения – в тени вертикальных стен, второе отделение во главе со мной – посередине ущелья.

Я пристроил на мягкой повязке, которую специально надевал себе на шею, свой планшетник и включил навигатор, который точно показывал мое местоположение. Другая, собственная программа планшетника определяла местоположение каждого бойца взвода и накладывала изображение на карту местности, совершала в автоматическом режиме привязку объекта. При этом отдельные датчики, входящие в систему оснастки «Ратник», при необходимости передавали мне информацию о самочувствии каждого из солдат. Для этого следовало только активизировать еще одну программу, работающую всегда в фоновом режиме. Нажатие пальца на любую из красных точек, которыми выглядели на мониторе бойцы, выдавало мне необходимую информацию о каждом из них.

Другое дело, что я не врач и не обладаю знаниями о нормах пульса и давления в различные моменты физических нагрузок и не могу этими данными воспользоваться. Только в случае ранения кого-то из солдат могу нажатием определенной кнопки на своем «Стрельце» вызвать помощь. Но пока, слава богу, она никому не требовалась.

На карте были отмечены две пещеры, находящиеся одна против другой. Одна из них, правая, выглядела как три больших соединенных между собой неглубоких грота, тогда как левая имела несколько горизонтов и уходила глубоко вниз. Обе пещеры находились в первой четверти ущелья – от входа в одну до входа в другую требовалось только пересечь ущелье и пройти два десятка метров. Как раз тогда, когда мы вышли к двум противостоящим устьям⁴, меня по связи вызвал командир первого отделения сержант Луховской.

– Товарищ старший лейтенант. Здесь два окурка лежат. Почти свежие. Несколько часов назад брошены. Кто-то здесь стоял и курил. Долго стоял. Может быть, это один человек был, две сигареты выкурил. При этом сначала в одну сторону смотрел, потом в другую. Пепел на камни насыпан. Между камней, то есть. Но его туда, похоже, ветерком задуло. Ветер с верховьев идет. Сдается мне, пещера обитаема.

Я сразу среагировал:

– Снайперы! Устье левой пещеры взять под прицел, – на всякий случай принял и другие меры: – Игумнов, контролируй правую пещеру.

Поскольку второе отделение шло со мной, мой замкомвзвода двинулся во главе третьего отделения. Я увидел, как это отделение, идущее немного впереди, восприняло команду старшего сержанта, данную по старинке, без звука, растопыренными и выброшенными вперед пальцами одной руки.

Отделение сразу рассыпалось среди камней, наставив стволы автоматов на черное пятно устья. Оно было высоко от поверхности, и забираться туда было трудно. Для устройства жизни и быта на постоянной основе это место явно не годилось так, как левая пещера.

Если бы там кто-то проживал постоянно, были бы проведены какие-то меры по благоустройству. Например, в камнях была бы высечена лесенка или какое-то ее подобие. Или просто лесенка была бы выложена из камней. Иногда в таких условиях можно было встретить

⁴ Устье пещеры – вход в пещеру.

деревянную приставную лестницу. За две предыдущие командировки мне четырежды приходилось работать против бандитов, живущих в пещерах. И всегда входы были благоустроены.

– Снайперы, видно что-нибудь?

– «Свечения» нет, – один за другим доложили все трое.

Но я помнил, что сам предложил начальнику штаба сводного отряда вариант, согласно которому банда, ищущая проход через границу, должна в этом ущелье встретиться с другой бандой, перешедшей границу раньше. И кто-то, скорее всего эта вторая банда, мог ударить засаде, которую я готов был выставить, в спину. Чтобы предотвратить это, прикинув варианты, я дал команду огнеметчику ефрейтору Васильчикову, что потел под грузом рюкзака с двумя огнеметными тубами:

– Стас, ты не устал заряды таскать? Обстреляй пещеру. Выжги там все, что можно.

Я знал, что у Васильчикова в запасе всего две термобарические гранаты. Обычный комплект на рейд. Но хватит ли двух выстрелов, чтобы выжечь пещеру, я не знал. Все зависело от размеров самой пещеры. Карта показывала размеры, которые огнемет «Шмель-М» мог поразить двумя «выстрелами». Однако практика подсказывала, что бандиты жилые пещеры модернизируют, создают дополнительные входы и выходы и существенно расширяют площадь. Моя карта была еще советских времен. За прошедшие годы все могло сильно измениться. Но терять время на исследование пещеры и нанесение исправлений на карту у меня возможности не было. Следовало торопиться и выходить на основную позицию – пограничники же ждут моего сообщения о готовности. Тем более идти нам предстояло еще не меньше четырех часов в хорошем темпе.

Был, конечно, еще и второй вариант – пустить в каждое пещерное устье по одной гранате, но это вообще не давало гарантии, что мощности всежигающего термобарического заряда хватит на то, чтобы дойти до каждого уголка. Конечно, не было гарантии, что и двух гранат хватит на левую пещеру, но, по крайней мере, кислород там выгорит, скорее всего, в значительной степени, и одно уже это могло уничтожить банду за счет создания резко пониженного атмосферного давления, несовместимого с жизнью. Обычный эффект последствий термобарического взрыва. Если, конечно, банда там скрывается. Тем более перед левой пещерой было найдено два окурка. Это давало надежду, что моджахеды там.

Стас Васильчиков обрадовался. Я знаю, что он не большой любитель гранаты на себе таскать. Слышал от него не раз, что неплохо было бы ему выделить кого-то во второй номер огнеметного расчета, но лишних бойцов у меня не было.

Он поспешил к устью пещеры, прикрываемый снайперами и бойцами первого отделения, которые, не дожидаясь команды, заняли места среди камней, готовые дать очередь в случае опасности. Тепловизионные насадки на прицелы снайперов позволили бы определить приближающегося противника за несколько секунд до его появления.

Ефрейтор заглянул внутрь. Видимо, там было не слишком светло, и потому он опустил на глаза очки ночного видения, присмотрелся, прижался глазом к резиновому наглазнику оптического прицела.

Сразу после выстрела огнеметчик присел. И сделал это вовремя, потому что из пещеры вырвалось целое облако горячей пыли и дыма. Вырвалось и пролетело у Стаса над головой. А сам Васильчиков тем временем уже ставил ударно-спусковой механизм вместе с прицельным приспособлением на другой контейнер с гранатой.

Следующий выстрел, прозвучавший сразу после того, как прошло облако, был произведен под другим углом. Видимо, в пещере имелось несколько боковых ответвлений. Но спрятавшийся огнеметчик и в этот раз не напрасно. Внутри пещеры произошел сильный взрыв, из устья вылетело не просто облако дыма и пыли, но и множество камней и пламя. Видимо, взорвался бандитский оружейный склад, и наверняка обрушился свод пещеры. Пыли было очень много.

– Стас! Как успехи? – поинтересовался я, находясь от устья в тридцати шагах.

– Еще бы одну гранату⁵... Две боковые галереи выжег, осталась третья. Правда, вторая и третья, как я понял по тому, откуда дым шел, соединены, но не знаю, какая там площадь⁶. По крайней мере, кислород там везде выгорит. Это гарантированно. А взорвались, я думаю, боеприпасы. Сдетонировали от температуры и давления.

Я заглянул в карту. Два прохода даже на карте были соединены внутренней перемычкой. Значит, термобарическая смесь должна была проникнуть во все три галереи.

– Что было, то и выполнил, – сказал я. – Если кто в живых и остался, пусть благодарит твоих родителей, что родили тебя с такими узкими плечами, на которых лишняя граната не умещается. Игумнов, у правой пещеры ничего подозрительного не нашел?

Все-таки внутривзводная связь – удобная вещь. В первой моей командировке на Северный Кавказ мы еще не имели оснастки «Ратник» и обходились знаками. Но уже во второй сумели по достоинству оценить новинку. А сейчас это стало уже привычным делом.

– Ничего не нашли. Похоже, здесь место необитаемое, – отозвался Игумнов. – Могу пару бойцов взять и внутрь забраться, проверить. Это недолго. За десять минут управимся.

Я посмотрел на часы.

– Отставить. Продвигаемся вперед. Пограницы ждут нашего прибытия. Мы и без того уже на десять минут задержались. Выше темп! Будем наверстывать.

Я еще был верен старым привычкам и вместо голосовой команды простым жестом послал взвод вперед, в прежнем направлении, и лично возглавил второе отделение.

Однако, чем дальше мы отходили, тем сильнее меня мучили сомнения. Большинство современных бандитов пришли с Ближнего Востока, где в Сирии и в Ираке успели достаточно повоевать, покурлесить – приобрести немалый опыт. А опытные вояки не оставят случайно два окурка рядом с входом в свою обитаемую пещеру. У меня создалось ощущение обманутого человека. Интуиция не давала покоя и вызывала ощущение опасности. Подумалось, что меня провели как последнего лоха, показав место, куда я приказал потратить гранаты, а бандиты в это время прятались в пещере напротив. Я в своей уверенности не разрешил старшему сержанту Игумнову обследовать те три грота справа. И это автоматически означало, что мне теперь стоит ждать удара в спину от второй банды.

Но опыт участия в боевых действиях тем и хорош, что учит не мучить себя ощущением вины, а искать выход из сложного положения.

Я пальцем продвинул карту на мониторе своего планшетника, нашел место, приблизительно определенное в оперативном отделе штаба как пригодное для засады, и решил, что засаду следует сделать чуть-чуть раньше. В заранее определенном месте трудно увидеть, что будет происходить в тылу. Видно, по крайней мере, недалеко. А если не дойти до этого места пару километров, то там сразу после отмеченного на карте старого кладбища есть участок, где чуть выше и засаду устроить не грех, и за спиной останется прямой участок ущелья примерно в пятьсот метров длиной.

Это давало гарантию безопасности от неожиданного появления бандитов за спиной. Все-таки пятисотметровая дистанция дает возможность подготовиться к встрече с противником и хотя бы один автоматический гранатомет перевести в другую сторону.

Один из выделенных на взвод двух автоматических гранатометов Барышева я выдал второму номеру штатного гранатометного расчета рядовому Коле Николкину за его широкие плечи, которые, если Коля боком не повернется, в дверной проем не проходят.

Николкин основную свою работу выполнять не отказался. На одном плече он нес рюкзак с тремя выстрелами для РПГ-7, на другом – автоматический гранатомет Барышева, а в руке держал коробку с патронной лентой.

⁵ Упаковка (вьюк), переносимая одним бойцом-огнеметчиком, всегда несет только два заряда.

⁶ Термобарическая граната в закрытых помещениях выжигает все на площади до восьмидесяти квадратных метров.

Этот гранатомет считается универсальным, он может стрелять как со стандартными магазинами, в которых помещается по пять гранат ВОГ-17 калибра тридцать миллиметров, так и с помощью ленты. Старший сержант Игумнов выбрал на складе один гранатомет с лентой, второй с целой металлической коробкой магазинов, чтобы опробовать и тот, и другой способ стрельбы. Ему я и вручил второй гранатомет для пробы.

Я знал, что лента с гранатами удобнее для автоматической стрельбы, когда стрелять приходится по большой площади, перекрывая возможность передвижения, а магазины лучше всего использовать при прицельной стрельбе одиночными выстрелами. А если гранатомет Барышева позволяет стрелять и так и так, почему бы не использовать обе возможности...

Еще перед посадкой в машину я предупредил обоих новоиспеченных гранатометчиков что слышал об этих гранатометах, не стоящих на вооружении в Российской армии, но время от времени попадающих в руки бойцов. Примерно после восьмидесятого подряд выстрела гранатомет имеет свойство делать недосыл гранаты и задержку, вследствие чего случаются осечки. Происходит это из-за чрезмерно тугого механизма экстракции. Но послать в противника восемьдесят гранат – это уже примета продолжительного боя больших подразделений, а отнюдь не взвода. Значит, в наших условиях применять такое оружие выгодно и удобно.

Миновав старое кладбище и повернув вместе с ущельем за крупную скалу, мы, даже чуть раньше, чем я предполагал, добрались до места, которое я выбрал для засады. Видимо, сказалось то, что после задержки в пещере мы увеличили темп, кроме того, шли не боевым, а привычным тренировочным темпом. Такой темп всегда более высокий, чем боевой. Иначе и быть не должно. Только тот, кто не щадит себя на тренировках, может легко преодолевать боевые нагрузки. А в боевой обстановке к физическим нагрузкам добавляются еще и психологические, которые в процессе тренировок отработать бывает невозможно. Конечно, в тренировочном процессе присутствует эмоциональность, иначе называемая спортивной составляющей, которая существенно помогает, но она психологию бойца никак не воспитывает и не дополняет. А психология в боевой обстановке решает многое.

Засаду мы выставили по всем правилам – с двух сторон ущелья располагались завалы крупных камней, за которыми можно было легко спрятаться. Правда, в последнее время все чаще у бандитов стали появляться современные тепловизионные приборы, в основном американского производства. Трудно говорить конкретно, поставляют американцы эти приборы напрямую боевикам ИГИЛ или бандиты захватывают их у противника, которому американская сторона осуществляет официальные поставки. Но факт остается фактом, и все чаще мы встречаемся и с прицелами, имеющими тепловизор, и с тепловизионными биноклями противника. Так, мой тепловизионный бинокль есть не что иное, как трофей, который я захватил у убитого бандитского эмира еще в первой своей командировке на Северный Кавказ. Сейчас, если у банды есть тепловизоры, они, возможно, смогут определить нашу засаду раньше, чем мы сами себя открыто продемонстрируем. Но это была не самая большая беда.

Бойцы взвода носят костюмы оснастки «Ратник», а ткань, из которой эти костюмы сшиты, не пропускает наружу тепло тела. Открытыми остаются только руки, которые можно закрыть перчатками, и лицо, которое при необходимости скрывается маской-подшлемником. Тогда тепловизор определяет лишь небольшие точки – глаза и кожу вокруг глаз, остающиеся открытыми. Кто-то, кто уже встречался с подобным, может определить, что тепло исходит от людей, хотя большинство примет такое «свечение» за стайку мелких птиц или крыс.

А сзади бандитов будут подгонять пограничники. Моджахеды в любом случае вынуждены будут идти на нас. Даже раскрыв наше присутствие, вынуждены будут организовывать прорыв. Нам же никак нельзя допустить атаку в спину.

Я приказал всем бойцам использовать маскировочные принадлежности, хотя носить в кавказскую жару маски-подшлемники и перчатки никто из солдат не любит. Но, любишь ты

или не любишь, когда вопрос стоит о сохранении жизни, выискивать себе комфортные условия не стоит.

Проверив со своим тепловизионным биноклем состояние маскировки взвода, я нанес на планшетник точку засады и отослал карту с отметками начальнику штаба сводного отряда. Майор Аспарухов почти сразу же прислал подтверждение получения.

Осталось дожидаться, когда подсуетятся с перемещением постов пограничники, что даст возможность бандитам пойти на прорыв.

Глава первая

Самый распространенный способ определения момента встречи с противником и плана его действий – это умение поставить себя на место бандитского эмира. Я попробовал себя поставить, как делал обычно.

Для начала я просчитал время, необходимое майору Аспарухову, чтобы отправить пограничникам скрин с картой, потом на время попытался мысленно заменить собой офицеров оперативного отдела погранотряда, которые высчитают оптимальный ход, позволяющий запустить бандитов в ловушку.

Для этого лично я не стал бы показывать, как в одном месте снимают заслон и перебрасывают его в другое место. Я бы просто продемонстрировал прибытие дополнительных сил в другие места. А уж там пусть бандиты доступными им методами проверяют, откуда пришло усиление заслона. Бандиты тоже не глупые и знают, что дополнительных сил в погранотряде нет. Вероятно, у них и своя разведка существует, и осведомители на нашей стороне имеются, которые предупредили бы о прилете подкрепления. Если не предупредили, значит, идет внутреннее переформирование заслонов. Люди снимаются с самых сложных для перехода границы участков и направляются на наиболее опасные, которые считаются вероятными точками прорыва.

Кажется, что-то подобное предлагал и майор Аспарухов. Но его предположения тоже должны на чем-то основываться. Вероятно, во время переговоров и обсуждения вариантов погранцы высказали предложения нашему начальнику штаба и офицерам оперативного отдела. Более того, майор Аспарухов, кажется, даже упоминал, что операция разрабатывалась в нашем оперативном отделе. А это значило, что оперативный отдел погранотряда будет опираться на данные своих коллег из военной разведки.

Я представил, как разрабатывают план в оперативном отделе погранотряда, где обычно сидят два, от силы три старших лейтенанта погранвойск, обязанных проявлять скорость мышления и использовать заранее подготовленные на все случаи жизни заготовки. Из оперативного отдела разработки ушли к командиру погранотряда, который сразу, только вникнув в суть, дал «добро» и соответствующую команду. И пограничники начали выполнять.

Я перебирал события по минутам, время от времени бросая взгляд на карту и представляя перемещение бойцов.

Вопрос в том, как поведет себя в этом случае эмир банды. Он ведь может решить дожидаться ночи, чтобы совершить ночную попытку прорыва. Я бы на месте эмира подумал о том, что именно к ночи пограничники и ждут бандитов. И начал бы прорыв раньше, в светлое время, и, что очень важно в данной ситуации, неожиданно. Хотя и не исключаю варианта, что на мое решение повлияло то, что мне лично очень не хотелось надолго застревать здесь. То есть я сам не хотел ждать ночи и делился мысленно своим планом с пришлым эмиром.

Эмир, вне всяких сомнений, имеет богатый боевой опыт, иначе он не стал бы эмиром. К сожалению, нам не известно, что это за человек, как его зовут, чем он прославился и на что он способен. Он, вне всякого сомнения, достаточно повоевал на Ближнем Востоке, а до того, возможно, и в горах Дагестана успел проявить себя и как-то отметиться. И он может принять решение о дневном прорыве, как я и предположил. Тогда ждать нам осталось недолго.

А ожидание в засаде – это и есть тот самый психологический фактор, который в боях невозможно воспитать. Можно научить солдата стрелять, бегать, прыгать, ползать, драться в рукопашном бою, ставить и снимать мины. Но его психологическая устойчивость тренировке поддается с великим трудом. И за полгода, которые солдаты срочной службы прослужили до этой командировки, создать в человеке крепкий психологический фундамент просто невозможно.

По большому счету, психологическая устойчивость – она или есть в человеке, или ее нет. Создать ее заново, сделать, как это называется, «с нуля», можно, скорее всего, только через пару десятков лет. Хотя то, что в бойце заложено, можно подкорректировать. Только на это потребуется точно больше года.

Тем не менее с тех времен, как в российской армии срочная служба продолжается только год, складывается странная, даже парадоксальная ситуация. В частности, в спецназе ГРУ. Далеко не каждый призыв через полгода подготовки выезжает в боевую командировку. Обычно командировка происходит один раз в два, а то и в три года. И солдаты, которым не довелось участвовать в боевых действиях, тем не менее, не имея боевого опыта, проходят более серьезную подготовку, чем те, которые через полгода отправились на Северный Кавказ. Особенно это касается психологической устойчивости. И, как результат, у нас в стране сначала появился «афганский синдром», потом появился аналог – «кавказский синдром». И эти так называемые «синдромы» государство списывает на обстоятельства. Но сами-то обстоятельства государство же и формирует.

* * *

Майор Аспарухов вызвал меня на связь:

– Докладывай, Павел Степанович, как обстановка?

– Готов к встрече банды. Жду действий пограничников и, как следствие, прорыв банды в ущелье.

– Банда уже прорвалась. Мне только что сообщили. Их подгоняют погранцы. Буквально по каблукам стреляют. Значит, жди. Наш оперативный отдел считает, что до тебя банда доберется при такой скорости за час. От силы, за час с четвертью. Будь готов встретить.

– Мы готовы. Относительно наличия у бандитов тепловизионных приборов погранцам ничего не известно?

– Отдельного сообщения на эту тему не было. Но я смотрел по карте. Бандиты могли определить перемещение погранцов только с помощью тепловизора. Так что, вполне возможно, что-то у них имеется. А у тебя с этим что, проблемы могут возникнуть?

– Особых сложностей не вижу. Бойцы в масках и в перчатках.

– Относительно второй банды не думал? Встречающей... Я вполне допускаю такой вариант развития событий. Это ты правильно просчитал. Бандитам первой банды было проще уйти в соседнее ущелье, но они туда не пошли. Они только в твое рвались. И это неспроста.

– Я не только думал, но и, возможно, принял превентивные меры.

– Не понимаю, почему «возможно»?

Я рассказал Евгению Павловичу о двух сигаретах, пепле между камнями, о двух выстрелах из огнемета «Шмель-М» в левую пещеру и о сильном взрыве внутри ее.

– По силе взрыва можно предположить, что там находился бандитский склад с боеприпасами. Такой взрыв, вероятно, приведет к обвалу свода. Резкое падение давления из-за выгоревшего кислорода должно способствовать этому эффекту. Если это была пещера встречающей банды и она в момент атаки находилась там, то банды уже не существует. Но точно я это утверждать не могу, потому и «возможно».

– А правую пещеру не проверил? – правильно, на мой взгляд, отреагировал начальник штаба. Я и сам бы, наверное, отреагировал точно так же.

– Никак нет. Мой замкомвзвода рвался посмотреть, но я не разрешил. Там подъем к устью неудобный. Долго забираться. Я опасался потерять время. Потом только подумал, что пещера не обязательно должна быть местом постоянного проживания, а может служить и разовым укрытием. Опасения, как обычно, потом, товарищ майор, пришли. По мере обдумывания.

Но у нас было только два «выстрела» для огнемета, и потому приходилось выбирать. Или левую уничтожить полностью, или навести шум в правой и левой без серьезного урона.

– Понятно. Я допускаю дополнительно еще один вариант, что в пещере взорвался схрон, к которому и прорываются бандиты через границу. По мнению пограничников, они отстреливаются слабо. Или потому, что спешат оторваться, или потому, что берегут патроны.

– А что с вертолетом, товарищ майор?

– Диспетчер нашего авиаотряда обещает, что один вертолет через сорок минут вернется для заправки и пополнения боекомплекта. Его и планирую отправить. Где он был, там уже вопрос решен. Там больше авиация не нужна. Вертолет и «глушилку» тебе сбросит. Это у вертолетчиков уже отработанный прием. Правда, обычно сбрасывают не в помощь подразделениям, а просто саму по себе, чтобы лишить банду связи. А сейчас ты на себя управление возьми. Там все просто. Интуитивно разберешься. Тебе всего две кнопки следует знать: «The beginning of the work» – начало работы и «The end of work» – конец работы. Справишься, думаю, без проблем.

– Справлюсь, товарищ майор, не сомневайтесь. Такие надписи даже я переведу.

– Тогда – будь готов, у меня все. Конец связи.

– Конец связи, – подтвердил я.

* * *

Вертолет прилетел раньше, чем появились бандиты.

– Старлей! Я борт «семьсот одиннадцать», командир экипажа «Ночного охотника». Где твои подопечные? Кого приказано уничтожить?

– Сам их жду, товарищ...

Я попытался познакомиться с пилотом, но он снова спокойно назвал только свой позывной:

– Борт «семьсот одиннадцать». Можешь так меня называть. По званию я подполковник. Можешь обращаться по званию. Я сбрасываю тебе «глушилку». Пока не видно банды, можешь забрать ее спокойно.

От вертолета тут же что-то отделилось, и через несколько секунд начал раскрываться сравнительно небольшой, чуть больше вытяжного, парашютный купол. Раскрывался методом «принудиловки»⁷.

«Глушилка» оказалась чуть больше обыкновенного кейса и внешне на него походила. Приземление произошло недалеко от меня. Я даже не стал обращаться к солдатам, чтобы принесли мне груз, а сбегал за ним на середину ущелья сам. От парашюта отстегнуть технику оказалось не так-то просто. Попробовав и так и сяк, я убедился, что крепежные замки не работают, достал сначала не слишком острый штык-нож «шмель» от оснастки «Ратник», который плохо справлялся с парашютным шелком, потом, не желая терять время, вытащил малую саперную лопатку и обрубил стропы.

⁷ «Принудиловка» – термин из лексикона спецназа ГРУ и спецназа ВДВ, которые только и выполняют прыжки с парашютом со сверхмалых высот. При таком прыжке вместо вытяжного парашюта через трос и закрепленный на самолете или вертолете карабин вытягивается сразу основной купол. При этом отсутствует запасной парашют. Удар, происходящий при торможении падения раскрытым куполом, считается «издержками производства», его требуется просто перетерпеть. Не следует путать с принудительным раскрытием парашюта при прыжках начинающих парашютистов. У начинающих всегда бывает принудительное раскрытие парашюта, но только вытяжного. На сверхмалых высотах вытяжной парашют отсутствует. Совершаются такие прыжки для того, чтобы выбрасываемая группа разведчиков осталась незамеченной или же при осуществлении непосредственного контакта с противником, чтобы десант не был расстрелян в воздухе.

Только после этого крепление расстегнулось. Видимо, секрет состоял в том, что в момент натяжения замки не срабатывают. А ветер натягивал небольшой купол и тащил его по камням. Хорошо, что сам кейс между камнями застрял. Так он и попал мне в руки.

Покинув середину ущелья и забравшись в камни, где сидел раньше, я открыл нестандартный по размерам груз. Хорошо, что замки открывались без проблем и срубить их малой саперной лопаткой не потребовалось, а то лопатка моя заточена так остро, что лезвие при ударе о металл может повредиться.

Оказалось, что кейс был только фирменной упаковкой. Внутри, интегрированная в корпус кейса, имелась транспортировочная упаковка, где рядом с самим прибором располагался простейший ЗИП и такие же простейшие инструменты: отвертка, гаечный ключ и ключ-шестигранник. Здесь же было упаковано и зарядное устройство для подзарядки аккумулятора самой «глушилки», а также пульт дистанционного управления прибором.

Я управлять «глушилкой» дистанционно не собирался, как не планировал заниматься ремонтом или техническим обслуживанием прибора. Прибор, как я понял, был уже включен, о чем говорил горящий зеленый диод и утопленная в нижнее положение продолговатая кнопка с надписью: «The beginning of the work». Видимо, включили прибор прямо перед тем, как сбросить с парашютом. Для проверки я попробовал вызвать «Ночной охотник» и сообщить ему о получении «глушилки».

– Борт «семьсот одиннадцать», борт «семьсот одиннадцать»... Как слышите, прием? Борт «семьсот одиннадцать»... Товарищ подполковник, слышите меня?

Ответом была тишина. Тогда я нажал на кнопку с надписью «The end of work». Зеленая лампочка погасла, кнопка с надписью «The beginning of the work» со щелчком вышла вверх, а новая кнопка утопилась.

– Борт «семьсот одиннадцать»...

– Слышу тебя, старлей. Получил посылку?

– Так точно, товарищ подполковник. Совершаю апробацию.

– Я понял, что ты с управлением разобрался. Только в дебри не лезь, а то ты нам курс можешь сбить. И не только курс, прицел удерживать сможем только вручную. Только двумя кнопками пользуйся. Кстати, я вижу бандитов. Они вдоль правой от себя стены идут. Считаю... Тринадцать человек. Отставить. Четырнадцатый догнал остальных. Сейчас встречу их очередь из пушки, потом и НУРСами⁸ полью. Погранцов бы не задеть, но они еще, кажется, далековато.

Пока подполковник с веселыми комментариями прицеливался, я снова включил «глушилку» и одновременно сделал знак старшему сержанту Игумнову, приглашая приблизиться. Старший сержант находился недалеко от меня, под той же стеной ущелья, он сразу побежал в мою сторону, прыгая с камня на камень.

Тут и тридцатимиллиметровая автоматическая пушка «Ночного охотника» загрохотала в небе. Когда вертолет атакует на равнине или просто в чистом поле, звук разлетается в разные стороны и не кажется таким звучным, не заставляет вибрировать барабанные перепонки. А здесь, в ущелье, стены которого поднимались пусть и не выше вертолета, но по крайней мере, наравне с ним, звук сначала падал вниз, а потом раскатывался по камням во все стороны – в верховья ущелья и вниз, откуда мы пришли.

Пушка грохотала, иногда между ее выстрелами пробивался шепелявый голос пулемета. А потом и НУРСы ударили. А следом за НУРСами несколько раз увесисто грохнули ФАБы⁹, способные вызвать в горах обвал и похоронить бандитов под обломками скал. Или путь им перекрыть.

⁸ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

⁹ ФАБ – фугасная авиационная бомба.

Старший сержант подошел ближе, снял шлем и посмотрел в небо, зажатое с двух сторон каменными стенами, отчего казалось, что в такт выстрелам пушки и взрывам ракет колышутся облака. Игумнов даже не морщился и не смотрел за спину, где в верховьях ущелья поднималось мощное пыле-дымовое облако.

– «Глушилка» работает. Связь «вырубает», – объяснил я вызов замкомвзвода. – Возьми ВРГБ, займи позицию с тыла. Смотри, если кто-то выйдет со стороны старого кладбища, живой или покойник – без разницы, сразу начинай обстрел. Близо не подпускай. И сам осторожнее. Да, возьми с собой снайпера. У бандитов тоже может быть снайпер. Его уничтожить надо до того, как он нам в спину стрелять начнет.

– Понял, товарищ старший лейтенант.

– Работай!

Игумнов сделал знак своему земляку сержанту Соколянскому, когда-то тоже жившему в деревне в окрестностях забайкальской Кяхты, первому взводному снайперу, вооруженному сверхточной и сверхдальнобойной винтовкой СВЛК-14С Twilight «Сумрак» калибра 10,3 × 77 миллиметра¹⁰.

Позицию замкомвзвода и сержант выбрали недалеко от меня. Залегли за камнями. И уже вскоре ущелье огласилось солидным звуком выстрела. Отсутствие связи не позволяло узнать, что увидел и в кого стрелял снайпер.

Я обернулся и поднял бинокль. Без тепловизора я, возможно, ничего и не смог бы увидеть. Но тепловизор сначала показал мне сильное свечение за камнем (обычно такое сильное свечение означает большое наличие крови), потом, отключив тепловизор, в простой бинокль я увидел, что с этого камня свисает стволом вперед снайперская винтовка Драгунова. Сам камень действительно сильно залит кровью, и на нем лежит бессильная рука.

Значит, вторая банда была реальной и имела в своих рядах снайпера. Никто из бандитов не пытался выйти из-за поворота, чтобы своему снайперу оказать помощь. Но бандиты были рядом с ним и уже, должно быть, понимали, что пуля такого крупного калибра не оставляет раненых. А что пуля крупнокалиберная, видно сразу.

Я отключил на время «глушилку», надеясь, что бандиты момент отключения не улавливают, и вызвал на связь старшего сержанта Игумнова.

– Миша! Пару гранат за спину их снайперу отправь. Там за скалой еще кто-то наверняка прячется. Если только за могилы не залегли. Осколками должно достать.

– Понял, работаю.

Я не услышал первых выстрелов автоматического гранатомета, поскольку впереди по ущелью снова начали рваться ракеты, выпущенные с вертолета. Но сами взрывы гранат старшего сержанта были видны. Два грибовидных столбика дыма и пыли поднялись почти там, где лежало тело убитого снайпера. Следующие три выстрела я услышал. Игумнов правильно понял меня. Для него «пара гранат» означала пробный обстрел. И он пробно выпустил всю обойму, которую сразу же начал менять.

– Старлей, с бандой, похоже, покончено, – сообщил мне борт «семьсот одиннадцать». – Я ракетами их подавил. У них там куча «стингеров» или каких-то похожих ПЗРК была. Но в походном положении, в ящиках и в упаковке. Пока распаковывали, я их вместе с их ПЗРК спалил. Выстрелить не успели. Уже вижу, кстати, погранцов. Они подтягиваются к месту уничтожения банды. Что там у тебя?

¹⁰ В международном стандарте эти патроны классифицируются как специальные снайперские высокоточные дальнобойные патроны калибра 408 Cheyenne Tactical. Разработаны и выпускаются в США. В настоящее время опытные партии производятся и в России. Предполагается, что максимальная дальность стрельбы этим патроном достигает трех километров (практическую дальность полета пули ограничивают возможности оптических прицелов). Давление в стволе при выстреле этим патроном достигает 440 мегапаскалей, а энергия пули на вылете из ствола составляет 11 600 джоулей. Винтовка «Сумрак» снабжена мощной штатной оптикой.

– У нас, товарищ подполковник, все в порядке. Ведем бой.

– В кого стреляешь?

– Сзади, товарищ подполковник, еще одна банда подошла. Видимо, двигалась навстречу первой. Пока уничтожили только их снайпера. Если сможете, подавите и их. Все воздух в округе чище станет.

– У меня только в пушке два десятка снарядов осталось и в пулемете столько же патронов. А ракеты кончились. Все. Даже противотанковые отстрелял. И ФАБы сбросил. Я попробую банду просто припугнуть и рассеять остатком боеприпасов, а ты уж добьешь... Все, я лечу.

Я видел, как из-за поворота ущелья показался вертолет «Ночной охотник». Борт «семьсот одиннадцать» летел на опасной высоте, рискуя зацепиться лопастями за скалы, сказочными башенками торчащие из стен ущелья. Но командир экипажа был, видимо, пилотом опытным, и на поворотах, где расстояние от стены до стены обычно бывает наименьшим, закладывал крутые виражи, пролетая чуть ли не боком.

Точно такие же фигуры высшего пилотажа «семьсот одиннадцатый» выделывал там, где из стен выпирали скалы. Нужно было обладать очень высокой реакцией и быстротой мышления, чтобы реагировать на такие препятствия в полете, и подполковник, похоже, всем этим обладал. При этом он умудрялся еще и стрелять, причем стрелять довольно точно, о чем говорило скоротечное уничтожение пришедшей из-за границы банды.

Возможно, я чересчур стремился преувеличить боевые качества первого пилота «Ночного охотника». Ведь в вертолете находится еще и второй пилот, который тоже может стрелять, когда первый ведет машину по сложному профилю ущелья. Или же наоборот: второй пилот занят управлением и маневрированием, а первый пилот стреляет. А то, что подполковник говорит: «Я ракетами их подавил», – ничего, по сути дела, не значит. Он ведь и у меня спрашивает не что происходит со взводом, а: «Что там у тебя? В кого стреляешь?», хотя понимает, что стреляют солдаты взвода. Просто так принято в армии, что с командиром ассоциируются и его подчиненные. Но разговор всегда идет о первом, ответственном лице.

«Ночной охотник» пролетел над нами. Его мощный тепловизор, видимо, сразу выцепил убитого снайпера, как «светящийся» объект. И туда, в скалу и за поворот, и под саму скалу, в углубление, нам с нашей позиции невидимое, но, должно быть, хорошо различимое сверху, были направлены несколько мощных очередей скорострельной пушки и пулемета.

Старший сержант Игумнов вовремя сориентировался, успел поставить новый магазин в свой гранатомет и отстрелял его одной очередью. Стрелял он за поворот, вплотную к угловой скале, чтобы осколки разлетались в стороны и поражали тех, кто мог там быть. Поддерживал так плотность огня, заменяя вертолет. Но сам вертолет больше не стрелял. Видимо, весь боекомплект был израсходован на первую банду.

Старший сержант Игумнов сказал по связи:

– Еще одного свалил, товарищ старший лейтенант. Вывалился бандит из-за скалы на тропу. Хорошо, наверное, быть убитым на кладбище. Нести недалеко.

– Главное, чтобы наших убитых там не было, – предупредил я.

«Ночной охотник» удалялся. Дальше вниз ущелье расширялось. Но это дальше. Пока же нам было видно, как красиво тяжелая летающая машина маневрировала и скоро скрылась за поворотом.

– Борт «семьсот одиннадцать», что там с бандой?

– Не знаю, старлей. Мы быстро над ними пролетели, а профиль ущелья там сложный, внимательно рассмотреть было невозможно. Вроде бы тепловизор показывал какое-то «свечение» в районе старого кладбища. Но я затрудняюсь сказать, живые там или убитые. По крайней мере, уверен, что это не старые могилы так «светятся». Я бы не постеснялся и могилы обстрелять, если бы там кто-то прятался. Но у меня боекомплект закончился. Даже если сейчас вернуться, от меня толку будет мало. Если помощь будет необходима, я смогу вернуться минут

через сорок. Сообщай своему начальнику штаба. Он с нашим диспетчером свяжется. А пока я полетел на вертолетодром. От меня пользы здесь, повторяю, никакой...

Пользу он, конечно, мог оказать и как вертолет-разведчик, но я, не избалованный помощью авиации, постеснялся попросить подполковника о такой для него нехарактерной помощи. А банду предстояло уничтожить моему взводу. Поскольку с перешедшей границу бандой было покончено даже до того, как я успел бандитов увидеть, у меня уже не было необходимости держать «глушилку» включенной. Я закрыл кейс, зная, что «глушилка» уже отключена, нашел глазами сержанта Луховского, командира первого отделения.

– Алексей, – протянул я ему кейс. – Доверь кому-нибудь из своих аккуратных парней. Это тонкая электроника, лучше не ронять и не бить, даже о бандитские головы. Нужно будет вернуть ее в штаб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.